

Лариса Мондрус: «Запах Юрмалы остался со мной на всю жизнь»

В минувшие выходные в Вентспилсе давали большой концерт «Любимый шлягер», участвовать в котором пригласили давно живущую в Германии нашу землячку — певицу Ларису Мондрус. Ее призед фирма *Baltic Records Group* приурочила к выпуску диска с ее песнями «Как в старину». Вчера «Час» встретился с этой обаятельной женщиной.

Сергей НИКОЛАЕВ

Легендарная Лариса спела две песни и осталась счастлива. «Меня приняли очень эмоционально. Я получила столько комплиментов! Это окрыляет». Похоже, она не ждала столь теплого приема.

Певица родилась в Латвии в 1943 году, в 19 лет прошла по конкурсу в Рижской эстрадной оркестр и сразу обратила на себя внимание публики. Она выходит замуж за руководителя РСО, джазового музыканта, дирижера и аранжировщика Эгилу Шарва, с которым живет до сих пор. Успех на эстраде способствовал переезду в Москву (1964), где она поет в оркестре Эдди Рознера, продолжая заниматься и с родным РСО.

У советских людей певица пользуется необычайной популярностью: концерты, грампластины, радио, телевидение. И даже кино. Свообразный тембр голоса, непосредственность, короткие юбки, за которые ей постоянно пеняло многочисленное эстрадное на-

чальство, — все работает на ее имидж. Исполнение Ларисы пленяет своей искренностью, не случайно многие композиторы только ей доверяют первое исполнение своих новых песен.

В разговоре с «Часом» она напомнила Пахмутову, Асадунишю, Амиханяна, Пожлакова, Флярковского.

Не устоял и наш Раймوند Волдемарвич. Именно с подачи Мондрус его «Синий лен» отправляется в победное путешествие по СССР, а Паулс пошел в гору. Помнится, «Лен» гремел по радио с утра до ночи, радиостанция «Маяк» буквально «каштовала» их население.

Но одновременно с популярностью почему-то отменяют его авторский концерт в Кремле, не дают записать сольную грампластинку. Капля за каплей, и супруги принимают решение уехать за границу. Идея, к слову, принадлежала Эгилу. К отъезду готовились тайно, подали कुछ надобное, но никому из знакомых — ни слова. Короче, уехать удалось без особых проблем, разве что пришлось оплатить полученное высшее образование.

Лариса считает, что их отпустили, надеясь на скорый крах, — чтобы другим неповадно было. В советской прессе даже писали, что певица маялась за бутром в бедности, подрабатывая в ночных кафежах, и наконец не выдержав унижений и нищеты, утопилась. На самом деле краха не получилось. У Ларисы не сразу, но — пошло. А после участия в популярном ТВ-шоу «Ван Ребдорф» и с мужем Эгиллом, не поет, держит магазин обуви. Эгил, 20 лет проработав на радио «Свобода», вышел на пенсию и теперь

Прекрасно вспомнить ощущения детства...

ведет бухгалтерию в семейном магазине.

— **Вам, конечно, делает честь, что вы не стали дожидаться свистков и помидоров из зала и в 1992 году ушли со сцены. Но, мне кажется, раньше времени. Жаль...**

— Но ведь это же лучше. Достоинее. Ведь главное — публика, которая меня оценивает. Зачем же цепляться за сцену? Хотя в моем возрасте я могла бы иметь соответствующий репертуар... шансон или песни балладного плана.

— **Или записываться в студии.**

...Как бы там ни было, а петь Ларисе интересно. Хотя жизнь отдана семье, бизнесу, но чувствуется, что она в форме. И действительно смогла бы... Остаётся ждать интересных предложений, в том числе из Латвии. Последний вариант вызвал у нее энтузиазм.

В Латвию и том более в Россию она практически не ездит. Но тяга есть...

— Вы знаете, тяга не было все то время, пока «железный занавес» был закрыт. И я знала, что спокойнее живу в другой стране, говорю на другом языке. Я не представляла, что советская власть когда-нибудь может исчезнуть. А тут без всякого кропотливости — такой шанс встать на новый путь.

В этом плане я очень горжусь Россией. И Латвийей тоже. Рига ведь всегда была настоящей европейской столицей. Просто ее развитие притормозили эти 50 лет.

— **Какова настоящая причина вашего отъезда?**

— В основном вмешательство в мое творчество. В мою музыку. Были досадные обиды... Все больше приходилось приспосабливаться к тому, что хотят от меня слышать эти партийные службы. Каждый имел право что-то мне сказать, и я должна была принимать все их замечания. Если бы так продолжалось и дальше, то от Ларисы Мондрус ничего бы не осталось. Я бы превратилась в идеологическую серую мышь.

— **Откуда такое свободное отношение к советской девушке?**

— Оно как раз из Латвии. Мне достало прошло тут. Живя тут, мы знали, что происходит за границей. Нас это интересовало. Мы переписывали на магнитофонах джаз. Ловили по ночам радиопередачи из Швеции. Местные рамки нам были тесны.

А в России, где мы потом жили, было одно Всесоюзное радио. Мы не хотели исполнять только советский репертуар, мы искали что-то другое. И нам это удавалось. Из Азербайджана или Армении. Нас интересовали другие гармонии.

— **Советские композиторы в очередь вставали?**

— Да, но мы с Эгиллом были такими гордыми, что не хотели исполнять даже маститых композиторов, которые нам были неинтересны. Может быть, из тех кругов и Пожла обидна на меня. Эти мэтры могли бы и зарезать, и поднять на пьедестал. А мы хотели петь свое.

— **Когда вы думаете о Латвии, Риге, что приходит в голову прежде всего?**

— Ощущения, связанные с детством. Это запах юрмальских сосен. И донья. Очень смешно, но за границей я всюду искала такое сочетание: берг моря с белым песком и лесом. И знаете, где я его нашла? На юге Франции.

— **А от России не осталось оскомины?**

— Нет, я вспоминаю только хорошее. Хорошего у меня там тоже было очень много. В том числе и песня Александры Пахмутовой «Юрмала».

— **Спасибо! Пусть вас вперед ожидает только хорошее.**

— Оно как раз из Латвии. Мне достало прошло тут. Живя тут, мы знали, что происходит за границей. Нас это интересовало. Мы переписывали на магнитофонах джаз. Ловили по ночам радиопередачи из Швеции. Местные рамки нам были тесны.

А в России, где мы потом жили, было одно Всесоюзное радио. Мы не хотели исполнять только советский репертуар, мы искали что-то другое. И нам это удавалось. Из Азербайджана или Армении. Нас интересовали другие гармонии.

— **Советские композиторы в очередь вставали?**

— Да, но мы с Эгиллом были такими гордыми, что не хотели исполнять даже маститых композиторов, которые нам были неинтересны. Может быть, из тех кругов и Пожла обидна на меня. Эти мэтры могли бы и зарезать, и поднять на пьедестал. А мы хотели петь свое.

— **Когда вы думаете о Латвии, Риге, что приходит в голову прежде всего?**

— Ощущения, связанные с детством. Это запах юрмальских сосен. И донья. Очень смешно, но за границей я всюду искала такое сочетание: берг моря с белым песком и лесом. И знаете, где я его нашла? На юге Франции.

— **А от России не осталось оскомины?**

— Нет, я вспоминаю только хорошее. Хорошего у меня там тоже было очень много. В том числе и песня Александры Пахмутовой «Юрмала».

— **Спасибо! Пусть вас вперед ожидает только хорошее.**

— Оно как раз из Латвии. Мне достало прошло тут. Живя тут, мы знали, что происходит за границей. Нас это интересовало. Мы переписывали на магнитофонах джаз. Ловили по ночам радиопередачи из Швеции. Местные рамки нам были тесны.

А в России, где мы потом жили, было одно Всесоюзное радио. Мы не хотели исполнять только советский репертуар, мы искали что-то другое. И нам это удавалось. Из Азербайджана или Армении. Нас интересовали другие гармонии.

— **Советские композиторы в очередь вставали?**

— Да, но мы с Эгиллом были такими гордыми, что не хотели исполнять даже маститых композиторов, которые нам были неинтересны. Может быть, из тех кругов и Пожла обидна на меня. Эти мэтры могли бы и зарезать, и поднять на пьедестал. А мы хотели петь свое.

— **Когда вы думаете о Латвии, Риге, что приходит в голову прежде всего?**

— Ощущения, связанные с детством. Это запах юрмальских сосен. И донья. Очень смешно, но за границей я всюду искала такое сочетание: берг моря с белым песком и лесом. И знаете, где я его нашла? На юге Франции.

— **А от России не осталось оскомины?**

— Нет, я вспоминаю только хорошее. Хорошего у меня там тоже было очень много. В том числе и песня Александры Пахмутовой «Юрмала».

— **Спасибо! Пусть вас вперед ожидает только хорошее.**

— Оно как раз из Латвии. Мне достало прошло тут. Живя тут, мы знали, что происходит за границей. Нас это интересовало. Мы переписывали на магнитофонах джаз. Ловили по ночам радиопередачи из Швеции. Местные рамки нам были тесны.

А в России, где мы потом жили, было одно Всесоюзное радио. Мы не хотели исполнять только советский репертуар, мы искали что-то другое. И нам это удавалось. Из Азербайджана или Армении. Нас интересовали другие гармонии.

— **Советские композиторы в очередь вставали?**

— Да, но мы с Эгиллом были такими гордыми, что не хотели исполнять даже маститых композиторов, которые нам были неинтересны. Может быть, из тех кругов и Пожла обидна на меня. Эти мэтры могли бы и зарезать, и поднять на пьедестал. А мы хотели петь свое.

— **Когда вы думаете о Латвии, Риге, что приходит в голову прежде всего?**

— Ощущения, связанные с детством. Это запах юрмальских сосен. И донья. Очень смешно, но за границей я всюду искала такое сочетание: берг моря с белым песком и лесом. И знаете, где я его нашла? На юге Франции.

— **А от России не осталось оскомины?**

— Нет, я вспоминаю только хорошее. Хорошего у меня там тоже было очень много. В том числе и песня Александры Пахмутовой «Юрмала».

— **Спасибо! Пусть вас вперед ожидает только хорошее.**

— Оно как раз из Латвии. Мне достало прошло тут. Живя тут, мы знали, что происходит за границей. Нас это интересовало. Мы переписывали на магнитофонах джаз. Ловили по ночам радиопередачи из Швеции. Местные рамки нам были тесны.

А в России, где мы потом жили, было одно Всесоюзное радио. Мы не хотели исполнять только советский репертуар, мы искали что-то другое. И нам это удавалось. Из Азербайджана или Армении. Нас интересовали другие гармонии.

— **Советские композиторы в очередь вставали?**

— Да, но мы с Эгиллом были такими гордыми, что не хотели исполнять даже маститых композиторов, которые нам были неинтересны. Может быть, из тех кругов и Пожла обидна на меня. Эти мэтры могли бы и зарезать, и поднять на пьедестал. А мы хотели петь свое.

— **Когда вы думаете о Латвии, Риге, что приходит в голову прежде всего?**

— Ощущения, связанные с детством. Это запах юрмальских сосен. И донья. Очень смешно, но за границей я всюду искала такое сочетание: берг моря с белым песком и лесом. И знаете, где я его нашла? На юге Франции.

— **А от России не осталось оскомины?**

— Нет, я вспоминаю только хорошее. Хорошего у меня там тоже было очень много. В том числе и песня Александры Пахмутовой «Юрмала».

— **Спасибо! Пусть вас вперед ожидает только хорошее.**

— Оно как раз из Латвии. Мне достало прошло тут. Живя тут, мы знали, что происходит за границей. Нас это интересовало. Мы переписывали на магнитофонах джаз. Ловили по ночам радиопередачи из Швеции. Местные рамки нам были тесны.

А в России, где мы потом жили, было одно Всесоюзное радио. Мы не хотели исполнять только советский репертуар, мы искали что-то другое. И нам это удавалось. Из Азербайджана или Армении. Нас интересовали другие гармонии.

— **Советские композиторы в очередь вставали?**

— Да, но мы с Эгиллом были такими гордыми, что не хотели исполнять даже маститых композиторов, которые нам были неинтересны. Может быть, из тех кругов и Пожла обидна на меня. Эти мэтры могли бы и зарезать, и поднять на пьедестал. А мы хотели петь свое.

— **Когда вы думаете о Латвии, Риге, что приходит в голову прежде всего?**

— Ощущения, связанные с детством. Это запах юрмальских сосен. И донья. Очень смешно, но за границей я всюду искала такое сочетание: берг моря с белым песком и лесом. И знаете, где я его нашла? На юге Франции.

— **А от России не осталось оскомины?**

— Нет, я вспоминаю только хорошее. Хорошего у меня там тоже было очень много. В том числе и песня Александры Пахмутовой «Юрмала».

— **Спасибо! Пусть вас вперед ожидает только хорошее.**

— Оно как раз из Латвии. Мне достало прошло тут. Живя тут, мы знали, что происходит за границей. Нас это интересовало. Мы переписывали на магнитофонах джаз. Ловили по ночам радиопередачи из Швеции. Местные рамки нам были тесны.

А в России, где мы потом жили, было одно Всесоюзное радио. Мы не хотели исполнять только советский репертуар, мы искали что-то другое. И нам это удавалось. Из Азербайджана или Армении. Нас интересовали другие гармонии.

— **Советские композиторы в очередь вставали?**

— Да, но мы с Эгиллом были такими гордыми, что не хотели исполнять даже маститых композиторов, которые нам были неинтересны. Может быть, из тех кругов и Пожла обидна на меня. Эти мэтры могли бы и зарезать, и поднять на пьедестал. А мы хотели петь свое.

— **Когда вы думаете о Латвии, Риге, что приходит в голову прежде всего?**

— Ощущения, связанные с детством. Это запах юрмальских сосен. И донья. Очень смешно, но за границей я всюду искала такое сочетание: берг моря с белым песком и лесом. И знаете, где я его нашла? На юге Франции.

— **А от России не осталось оскомины?**

— Нет, я вспоминаю только хорошее. Хорошего у меня там тоже было очень много. В том числе и песня Александры Пахмутовой «Юрмала».

— **Спасибо! Пусть вас вперед ожидает только хорошее.**

Дочка хозяйки сети Nelda стала «Мини-мисс мира»

«Час» уже писал об этой замечательной девочке, которую зовут Анна Элизабете Кальнина. Помимо того, что она хороша собой, умеет петь и танцевать, она еще и коллекционирует необычные яйца (Фаберже в том числе). Недавно Анна Элизабете на конкурсе *Mini miss World*, проходившем на Украине, получила главный приз. Мама, хозяйка сети магазинов *Nelda* Илута Кальнина, и папа, предприниматель Дзинтарс Пилька, были горды и счастливы!

В поездку Анна Элизабете, кроме мамы с папой, сопровождал партнер по танцам Алексей Лиечак и учителя танцев Мартин Рейнболдс и Елена Скрастина. Победа Анны была стопроцентной — вице-мисс отстала от нее на 30 баллов. Всех поразило выступление Анны, в котором она пародировала известных звезд эстрады: Мэрилин Монро, Майлса Дэвисона, Вольфу М. Всего в конкурсе участвовали 23 девочки — из Южной Африки, Кореи, России, Молдавии, Польши, Чехии, Латвии, Эстонии и других стран.

Фото из архива Privata Group